

030

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

МЭММОРИ КЕЙН

ТРЕТЬЕ ЧУДО

— ИНТРИГА —

Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Интрига – Harlequin

Меллори Кейн

Третье чудо

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кейн М.

Третье чудо / М. Кейн — «Центрполиграф», 2015 — (Интрига – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06840-8

Тристан Дюшод, тайный агент внутренней безопасности, записал телефонный разговор директора нефтепромысловой платформы с неизвестным, из которого следовало, что некие круги замышляют крупную преступную операцию. Заподозрив Тристана в слежке, директор приказывает бросить его в море. Однако основательно покалеченного акулами агента спасает и выхаживает его старый друг Бодро. Тристан скрывает, что он жив, но ему все же приходится «воскреснуть» для жены. Теперь обоим супругам угрожает опасность, бандиты подозревают, что Тристан не погиб...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06840-8

© Кейн М., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мэллори Кейн

Третье чудо

Security Breach Copyright © 2015 by Rickey R. Mallory

«Третье чудо» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Родителей Мюррея Чо убили, когда он был еще совсем мальчишкой. С тех пор Мюррей трудился не покладая рук. Повзрослев, он эмигрировал в Америку. Но так называемая страна неограниченных возможностей повернулась спиной к бедному иммигранту из Вьетнама. С огромным трудом ему все же удалось накопить денег и купить лодку для ловли креветок в городке Бон-Шанс, что на юге Луизианы. Он стал неплохо зарабатывать, женился, а вскоре у них родился сын Патрик.

Мальчику было всего пять лет, когда сбежала его мать. С того дня Мюррей один растил сына. Они хорошо ладили, и денег на жизнь хватало, но однажды контрабандисты спрятали оружие в старом сарае Мюррея, и его заподозрили в сговоре с ними. Пришлось отцу с сыном перебраться в другое место – поближе к бухте Галфпорт.

Две недели Мюррей радовался, что сообразил сменить место жительства, как вдруг ему позвонили на сотовый. Неизвестный угрожал расправиться с Патриком, если Мюррей не выполнит его указания. Рыбак должен был выкрасть планшет из дома Тристана Дюшода.

Патрик объяснил отцу, как отключить охранную сигнализацию в доме, и Мюррей выкрал планшет. Отца не интересовало, откуда сыну известны такие вещи. Он думал только об одном: поскорее доставить украденную вещь в указанное место и вернуться к прежней жизни. Так хотелось надеяться, что на этом все и закончится.

Мюррей подтащил лодку к причалу и закрепил канат на тумбе, прошел через пристань, вышел за ворота и запер их за собой. Автофургон, в котором они с Патриком жили, стоял сразу за автомобильной парковкой. Он был маленький, но удобный.

Подойдя к фургону, Мюррей обнаружил, что дверь не заперта. Патрик должен был запираť дверь, когда ложился спать, но чего ожидать от парня, которому не исполнилось восемнадцати. Он не то что запереть, но даже прикрыть дверь частенько забывал.

Внутри было темно и тихо. Шел одиннадцатый час, и сын должен был делать уроки или уже лечь спать. Возмущенный и встревоженный, Мюррей позвонил Патрику на мобильный. Тот не ответил. Но не успел погаснуть экран, как раздался звонок.

– Патрик! Ты где?

– Мюррей Чо? – раздался знакомый голос; это был человек, заставивший Мюррея выкрасть планшет из дома Тристана.

У Мюррея тревожно забилося сердце.

– Где Патрик? Если вы что-нибудь с ним сделали...

– Молчи и слушай. Твой сын у нас, он жив... пока жив.

– Что?! Что значит, пока жив? Что происходит? Я хочу говорить с ним.

– Я сказал, слушай и молчи! Ты хорошо поработал, достав нам планшет. Теперь у нас есть для тебя новое задание. Жена Дюшода вернулась в дом своего мужа. Моего босса интересует, почему она не осталась у свекрови. Что ты знаешь о Тристане Дюшод?

Мюррея охватил ужас.

– О Дюшод? Так ведь он умер, утонул!

– Это точно? Откуда тебе это известно?

– Б-были же п-похороны. Пожалуйста, позвольте мне поговорить с Патриком.

– Мы заключим с тобой сделку. Ты добудешь нам доказательства, что Дюшод жив, и мы не уьем твоего сына.

– Нет, умоляю вас! Я сделаю все что угодно, только не трогайте сына!

– Прекрати, Чо. Какой смысл просить меня? Я должен получить эти доказательства, иначе мне самому не поздоровится. Выбор пал на тебя потому, что в тех местах ты свой и не вызовешь подозрений, оказавшись на берегу или у дома Дюшода.

– Я... я не понимаю...

– Послушай, мы не желаем зла ни тебе, ни твоему сыну, но если не выполним этот приказ, с нами будет... покончено. Это еще одна причина, почему я выбрал именно тебя. У тебя есть сын, так что ты не сможешь отказаться. Словом, достань мне эти доказательства. Если он жив, мой босс хочет получить доказательства. Если же он мертв... – Человек усмехнулся. – Хотя это будет труднее доказать.

– А кто ваш босс?

– Никто. Слушай, Чо, уж не думаешь ли ты, что я назову тебе его имя? Делай, что тебе сказано, и не задавай глупых вопросов.

Мюррей горестно покачал головой. Выбора у него нет. На кону жизнь его сына.

– Мы позаботимся о твоем сыне. А тебе нужно сосредоточиться на задании.

– Ваш босс хочет получить доказательства, что Тристан Дюшод жив? Но ведь он умер! Его похоронили. Я не могу доказать, что он жив.

– Ты не сможешь ни себе, ни твоему сыну, если станешь упорствовать. Мы будем звонить тебе каждый день. Советую не затягивать с этим делом. Вздумаешь заявить властям, обречешь сына на мучительную смерть, уж поверь мне.

С этими словами неизвестный прервал разговор.

Мюррей ошеломленно смотрел, как гаснет экран, а зловеющий голос продолжал звучать у него в голове. «Ты добудешь доказательства, и мы не убьем твоего сына».

Он должен спасти Патрика. Но как? Как он может доказать, что мертвец жив?!

Наступили сумерки. Постепенное угасание дня неизменно навевало на Сэнди Дюшод грусть и уныние. Ей больше нравился рассвет, начало дня. Каждый восход солнца нес с собой предвкушение чего-то нового. Она будила Тристана, готовила ему кофе, он садился рядом с ней, и они вместе встречали рассвет. А ему нравилось вытаскивать ее на прогулку на закате дня. С Тристаном она легко преодолевала грусть, всегда возникающую в душе при виде медленно гаснущего неба.

Но Тристана уже не было, и ее не радовал даже восход солнца.

– Ты знаешь, горошинка, какой сегодня день? – спросила Сэнди своего еще не родившегося ребенка, поглаживая округлившийся живот. – Нет? Но, горошек мой, ты должен его запомнить. Сегодня уже два месяца, как умер твой папа... – К горлу подступили рыдания, но она мужественно подавила их. – Ну, не буду, не буду. Ладно, давай распакуем вещи.

Вчера днем она в первый раз после похорон мужа вошла в их дом на окраине Бон-Шанс. Он стоял такой темный, пустой, заброшенный. Сэнди страдала, думая о том, что Тристан больше никогда не войдет в их дом. Но чем дольше она смотрела через высокие застекленные двери на высившиеся за патио и подъездной дорожкой стройные деревья, увитые ползучими лианами, на мшистые болота, окружающие Бон-Шанс, тем на душе у нее становилось яснее и безмятежнее.

Слабый шум прибоя и легкий шелест листвы вокруг дома усиливали состояние мира и покоя. Их дом был полон прекрасных, а теперь и тяжелых воспоминаний. В звуках природы ей слышался смех Тристана. Он, как солнце, притягивал ее к себе.

Забыв о чемоданах, она распахнула двери и вышла в патио. В июне погода на юге Луизианы редко бывает прохладной. Правда, порой во время шторма из залива дует промозглый ветер. Но прохлада была приятной; хорошо сидеть днем на открытой веранде – над головой с тихим шумом вращаются лопасти вентилятора, на столе – спелые ломти арбуза или стакан чая со льдом – и лениво рассуждать о клеве рыбы.

Сэнди подняла голову, подставив лицо легкому вечернему ветерку, который взметнул ее длинные волосы. Когда она открыла глаза, небо на западе было еще окрашено в нежные розовые тона.

– Что ж, не буду спорить, в закате есть своя прелесть, – признала она. – Здесь я тебе уступаю. Но, к сожалению, уже через четверть часа его сменит непроглядная темнота. Сегодня днем я собиралась прогуляться на пристань и обратно, но упустила время. А сейчас уже поздно.

Накануне вечером она ходила на пристань, сама не зная зачем. Может, надеялась почувствовать Тристана там, где они так часто бывали. В детстве пристань была еще одним любимым местом Тристана. А главным – хижина Бодро.

Тристан любил плавать в заливе в это время дня. Он объяснял ей, что, когда солнце заходит, все вокруг стихает – умолкают ветер, птицы и животные, и вода в заливе становится спокойной и гладкой как стекло. Как будто весь мир замирает из уважения к вечерней молитве.

Сэнди вспомнила, что заметила вчера в море темный силуэт, стремительно плывущий и ныряющий на некотором расстоянии от берега. Она смотрела на заходящее солнце, на гибкий силуэт, скользящий между волнами, похожий на дельфина. Но сейчас ей стало казаться, что она видела человека.

С каждой секундой тьма сгущалась. Сэнди повернула к дому, но ее остановил звук, похожий на слабый шепот. Она замерла, прислушиваясь. Встревоженный ее испугом, ребенок толкнулся в живот. Она успокаивающе погладила живот.

Мгновение спустя звук повторился, и она поняла, что ошиблась. Это были не человеческие голоса, а шуршание листвы и ветвей, как будто кто-то пробирался сквозь густые заросли на болотах. Кто-то большой.

Но кто, человек или зверь? И был ли он так близко, как слышалось? Она вздрогнула. На болотах водились дикие животные, были даже аллигаторы и медведи. Но Сэнди жила здесь с рождения. Ее не страшила встреча с диким животным.

Она вспомнила о темном силуэте, скользящем в заливе. Был ли это человек? Кто мог плавать в глубоких сумерках и потом идти сюда через болота, как это делал Тристан?

Нет, пора уже перестать слышать в каждом шорохе волн и видеть в каждом шевелении шторы от ветра Тристана или его призрак. Ничего таинственного в этих зарослях нет: кто бы ни пробирался сквозь заросли, он производил обычный, вполне естественный шум.

И с чего это кому-то идти к их дому, тем более в такой поздний час, да и в любое другое время дня. Дом расположен в восьми милях от Бон-Шанс. Каждому известно, где находится этот красивый дом, но за две мили от него асфальтовое покрытие дороги сменяется ракушечным и гравийным, так что случайный водитель и не подумает свернуть на нее.

Тишину снова нарушил слабый треск сучьев и шорох листьев. Человек ли то был, или животное, он не старался соблюдать тишину. Сэнди осторожно попятилась, а потом кинулась к дому. Она вбежала в свое жилище, будто за ней гнались черти, заперла высокие двери, включила охранную систему, и только тогда перевела дыхание.

– Извини, горошинка, – прошептала она, – это, конечно, глупо, но я испугалась.

И вдруг у нее защипало глаза. Усиленно моргая, она пыталась удержать слезы, но они упрямо текли по щекам.

– Черт, не хватало еще, чтобы я в собственном доме дрожала от страха! Но мы с тобой одни здесь. Нужно быть осторожными. К тому же это наша пристань – пристань твоего папы, – говорила она, и голос ее дрожал от горя.

О, Тристан! – прошептала она. – Как же ты мне нужен! Я пытаюсь научиться жить без тебя. Но ты по-прежнему здесь. – Она стукнула себя по лбу. Голос ее снова прервался рыданием. Она крепко сжала губы, чтобы не плакать, не тревожить свое дитя.

За годы знакомства, а затем брака с Тристаном – по существу, всю их жизнь – она никогда ничего не боялась, но эти шаги в темных зарослях нагнали на нее страху.

– Не бойся, моя горошинка, я не стану пугливой кошкой. Я вернулась сюда, чтобы жить в покое, и никакой аллигатор или браконьер – или кто там есть – не заставит меня убежать отсюда. – Ей стало легче, и только теперь она поняла, как устала.

Она проверила систему сигнализации на окнах и двери и направилась в спальню. Проходя мимо закрытой двери в кабинет, в котором они решили устроить детскую, она вспомнила, что забыла проверить электронную почту. Видно, слишком увлеклась воспоминаниями.

Сэнди включила свет, но планшета на столе не оказалось. Она машинально огляделась, не понимая, кто мог положить его на другое место, пока она жила у свекрови в Батон-Руж? И когда? По спине ее пробежал холодок при мысли о том, что в ее доме побывал кто-то чужой.

«Стоп! – приказала она себе. – Нечего паниковать. Лучше подумай, у кого был доступ к твоему дому». Это могли быть Мэдди Тирни или Зак Уинтер, но Мэдди обязательно сказала бы ей. Тогда... полицейские, расследовавшие похищение Мэдди директором буровой платформы «Созвездие Чайка». Но улики, подтверждающие ее похищение, находились в спальне. Зачем им понадобилось забирать планшет?

А если это не они? У нее бешено заколотилось сердце. Что, если это был Тристан? Что, если он где-то прятался, и ему понадобились какие-то данные из планшета?

«Прекрати! – прикрикнула она на себя. – Нечего думать об этом каждый раз, когда случается что-то странное или слышатся непонятные звуки. Он умер, и ничто не вернет его к жизни!» Она часто заморгала, будто прогоняя мысли о Тристане.

Забить все, что касается его смерти. Все, кроме одного факта. Он упал с платформы в полные опасности темные воды залива и так и не появился. Значит, действительно погиб. Будь он жив, свернул бы горы, но обязательно пришел к ней. Тристан скорее бы умер, чем позволил ей поверить в его смерть.

Тряхнув головой, она постаралась сосредоточиться только на пропаже планшета. Прежде всего, нужно связаться с Мэдди и Заком. Возможно, им понадобилось забрать его, чтобы просмотреть жесткий диск и карты памяти. А может, он понадобился органам внутренней безопасности? Но в планшете не было ничего, что представляло бы интерес для посторонних.

Она взглянула на часы: десять с минутами. Значит, на Западе уже одиннадцать. Помедлив, она достала из кармана сотовый телефон. Мэдди просила ее звонить в любое время.

Когда подруга ответила, Сэнди сразу спросила:

– Мэдди, ты или Зак брали мой планшет?

– Что? Сэнди, с тобой все в порядке?

– Да, все хорошо. Кто-нибудь из вас брал мой планшет или, может, видел, что его взял кто-то другой?

– А что, его нет дома?

– Нет. Он всегда лежал на столе в детской. Всегда. А сейчас его нет.

– Да нет, мы его не брали. Мы только просмотрели его. Помнишь, ты назвала нам пароль? Мы просмотрели все сохраненные файлы в поисках каких-либо данных, связанных со смертью Тристана или с контрабандой оружия, но, когда я уходила, он лежал на столе. – Мэдди помолчала. – А есть какие-либо признаки, что кто-то побывал в вашем доме?

В животе у Сэнди проснулся и заворочался ребенок.

– Кажется, нет. Я не заглядывала только в детскую. Ты уверена, что он был в комнате, когда вы уходили?

– Конечно, – сказала Мэдди. – А ты не узнавала у полиции или шерифа?

– Нет, ты первая, кому я позвонила.

– Тогда позвони им. Если они его взяли, то должны были оставить расписку. Может, забыли.

– Значит, он исчез после вашего ухода. – Сэнди задумалась. – Минутку. Сейчас я вспомнила, что вчера, когда я вошла в дом, сигнализация не была включена, сигнал не сработал.

– Выходит, тот, кто забрал планшет, отключил ее. А что, многие знают твой код?

– Нет, только мы с Тристаном.

– Может, полиция не знала, как ее включить, и не знала, что тебя там нет.

– Выходит, в доме кто-то побывал, – пробормотала Сэнди.

– Послушай, Сэнди, может, это ничего не значит, но, думаю, на всякий случай тебе лучше уехать в деревню и остановиться в отеле или вернуться в Батон-Руж.

– Нет, не хочу, – сказала Сэнди. – Это мог быть какой-то мальчишка.

– Погоди минутку.

Она слышала, как Мэдди разговаривает с Заком, а затем вдруг в трубке стало тихо. Должно быть, Мэдди отключила звук. Но Сэнди все равно знала, что они обсуждают, грозит ли Сэнди опасность в Бон-Шанс.

– Мэдди! – позвала Сэнди. – Ну, давай скорее.

Наконец Мэдди включила звук.

– Сэнди, давай договоримся, что, если что-то случится, ты позвонишь мне, хорошо? Мы уже не занимаемся этим делом, но оно еще не закрыто.

Вот так Сэнди узнала, что министерство внутренней безопасности и АНБ вовсе не перестали заниматься историей с контрабандистами в Бон-Шанс и обстоятельствами гибели Тристана.

– А зачем им это надо?

Мэдди явно не ожидала этого вопроса и ничего не ответила.

– Мэдди? Ты же сказала, что все контрабандисты арестованы и что Бодро убил их главаря. Я думала, на этом все закончилось.

– Есть кое-какие вещи, о которых нам нельзя говорить и даже знать.

– Но ты-то о них знаешь? Я чувствовала, что вы с Заком что-то недоговариваете. Это касается смерти Тристана, да?

– Не надо, Сэнди, не пытайся.

– Мэдди, если ты не расскажешь мне все, понимаешь, все до конца, то я не знаю, что я с тобой сделаю!

– Подожди минутку...

– Нет, постой...

Но Мэдди не было слышно. Секунд через двадцать она вернулась на связь.

– Сэнди, слушай внимательно, потому что я могу сказать это только один раз. Существует вероятность – только вероятность! – что смерть твоего мужа не была несчастным случаем.

Сэнди опустила на стоявший рядом стул.

– Что?! Значит, Зак был прав! А что случилось? Появились какие-то новые данные?

– Послушай меня. Мы провели в вашем доме целую неделю, пытались понять, что случилось с Тристаном. Но пришли только к одному выводу: его гибель очень подозрительна. – Мэдди глубоко вздохнула. – Внутренняя безопасность активировала подслушивающие устройства и вместе с береговой охраной ведет наблюдение в районе нефтяных вышек. По-видимому, они опасаются, что там может существовать еще одна преступная группировка, которая что-то замышляет. Бон-Шанс – самое малолюдное и неприметное место на всем побережье залива. В нем даже нет уличного освещения, за исключением Мейн-стрит.

– Да, даже в ясную ночь отсюда едва видны городские огни, вот когда там случается пожар, то мы видим огонь и дым.

– Ну вот, эта темнота и удаленность привлекают контрабандистов.

– Мэдди, ты обязана сказать мне, почему Зак...

– Сэнди! – прервала ее Мэдди. – Что я тебе только что сказала?

– Ты наговорила кучу всего непонятного, и ничего не объяснила. Что ж, прекрасно! Я дам тебе знать, если что-то случится. То есть если у меня будет возможность позвонить, – с нехарактерной для нее язвительностью уточнила Сэнди.

– Сэнди, позвони шерифу, пусть он снимет со стола отпечатки пальцев. Так легче будет определить, кто взял твой планшет.

- Ну да, если эти отпечатки есть у полицейских. А если их нет?
- Все равно, Сэнди, позвони шерифу, обещаешь?
- Хорошо, позвоню. Может, поговорим о чем-нибудь другом?
- Конечно. Как ты себя чувствуешь? Как ребенок?
- У нас все прекрасно.
- А уже видна эта фитюлька?
- Какая еще фитюлька? Ах да! Доктор тоже так сказал, когда смотрел мою эхограмму.
- Так он подтвердил, что это мальчик?
- Не то чтобы подтвердил, но говорил довольно определенно. – Она грустно улыбнулась. – Знаешь, Тристан был уверен, что у нас будет мальчик.
- Ох, дорогая моя...
- Ничего, не волнуйся, я держусь. – Сэнди заставила себя засмеяться.
- Ты уже думала, как его назвать?
- Нет еще.
- Значит, ты вернулась в Бон-Шанс. И думаешь здесь остаться?
- Да, наверно. Но ближе к родам могу снова поехать в Батон-Руж. Там мне сможет помочь мать Тристана.

Мэдди стала убеждать ее, как было бы хорошо, если бы она вернулась в Батон-Руж. Наконец Сэнди удалось ее прервать, и она сказала, что очень хочет спать. Мэдди напомнила ей, чтобы она обязательно позвонила шерифу, и они попрощались.

– Ну, малыш, что скажешь? Думаешь, стоит позвонить шерифу насчет планшета? Да? Я тоже так думаю. Но завтра обязательно схожу к Бодро, скажу ему, что вернулась, и спрошу, не видел ли он кого у дома.

Она улыбнулась и ласково погладила живот.

– Хотя, если Бодро заметил, что во время моего отсутствия какой-то незнакомец забрался в дом, он мог его застрелить.

Глава 2

Тристан проснулся, чувствуя себя отдохнувшим.

Горячие лучи встающего солнца падали на его постель, согревая ноги. Он вдохнул воздух, напоенный ароматом гардений. Сэнди! В последний раз, когда он ее видел, она была здоровой и безмятежной, как и полагается женщине, вынашивающей ребенка.

Он сонно улыбнулся и повернулся к ней, но, ощутив жгучую боль в икре, сразу все вспомнил. Он лежал не в своей кровати, рядом с женой, а на топчане в хижине своего старого друга Бодро, где жил с тех пор, как тот спас его от верной смерти.

Ему вспомнилась темная вода и острые зубы акулы. Мышцы его невольно напряглись, и его снова пронзила боль в икре, откуда острый зуб акулы вырвал клочок его плоти. Стиснув зубы и подавляя стон, он осторожно расслабил мышцы ноги.

Постепенно боль стихла, но легче ему не стало. Его угнетала страшная душевная пустота. Его считали погибшим. И он действительно погиб – для жителей Бон-Шанс и для своих близких.

Даже если бы захотел, он не мог сообщить им о себе. Бодро сказал, что он провалялся без сознания около двух недель, а когда пришел в себя, был слишком слаб, не мог ни стоять, ни ходить.

С тех пор он каждый день, преодолевая сильную боль, заставлял себя ходить. И каждое утро благодарил Бога за то, что Он не дал ему умереть. За последние два месяца Тристан пережил не одно чудо, и это было самым невероятным.

Хотя еще одно чудо не помешало бы. Ему нужно как-то добраться до своего дома. Он представлял себе, как добредет до дома, и там его встретит Сэнди, прелестная и безмерно счастливая оттого, что он жив, а не погиб в этой проклятой пучине.

Он подбежит к ней, не хромя и не спотыкаясь, и обнимет ее. А она возьмет его руку и прижмет к животу, чтобы он ощутил, как брыкается их малыш.

Но Сэнди там не было. К счастью, она сейчас у его матери, в Батон-Руж.

К счастью – по нескольким причинам. Во-первых, хотя ему страшно хотелось ее увидеть, не это было для него главным стимулом поскорее выздороветь. Он должен найти и привлечь к ответственности человека, приказавшего его убить.

А для этого нужно иметь важное доказательство – во всяком случае, он надеялся, что это будет очень важное доказательство. Но его еще предстоит забрать, а оно находилось у него дома.

Как бы тоскливо ему ни было без Сэнди, он молился, чтобы она не вздумала возвращаться в Бон-Шанс. Хотя бы до тех пор, пока он не выследит человека, который пытался его убить и хотел его смерти.

Пока он мечтал о Сэнди и ребенке, солнце уже поднялось, теперь его не было видно из окна. Он поднял с пола сучковатую кипарисовую палку, которую вырезал ему Бодро.

Сделав глубокий вдох, Тристан медленно сел и спустил ноги на пол, затем оперся на палку и выпрямился, перенес свой вес на здоровую правую ногу и заранее скривившись в предчувствии острой боли.

И она не замедлила возникнуть. Он стиснул зубы и изо всех сил сжал палку. Снаружи сквозь листву просвечивало солнце, отчего на земле плясали причудливые тени.

Тристан подставил лицо горячим лучам, заставляя себя радоваться жизни. Но как он ни старался оставаться в ярком и теплом настоящем, ужас схватки со смертью был еще жив. Он слишком хорошо помнил, как внезапно тяжело рухнул с буровой платформы в темную бурлящую воду.

Он заново переживал каждое жуткое мгновение своего падения: как холодная соленая вода хлынула ему в рот и в нос, как сковало мускулы от страшного холода.

Он чувствовал толчки и укусы жадно набросившихся на него акул, но не мог помешать им вырывать куски его плоти. И когда, наконец, он открыл глаза, вода вокруг была красной – от его крови.

Тристана стало подташнивать, он откашлялся и стал жадно вдыхать свежий воздух, пытаясь отогнать жуткие воспоминания. Он научился ценить такую простую вещь, как возможность дышать. Криво усмехнувшись, он кое-как доковылял до орехового дерева, под которым его друг поставил грубо сколоченную скамью.

Он не сел на нее, ведь потом снова пришлось бы вставать, а прислонил палку к скамье и стал любоваться пробуждающимся утром. Вокруг суетливо порхали птицы, поклевывая семена, орехи и насекомых. Привязанная длинной веревкой к дереву, по полянке бродила коза Бодро, щипала травку и обглаживала листву с кустов.

Рассеянно наблюдая, как утренняя безмятежность сменяется дневным шумом и суетой, Тристан обдумал ситуацию и принял решение. Да, достаточно он отдыхал и восстанавливал силы. Необходимо поскорее выяснить, кто и почему пытался его убить. Сегодня он преодолеет целую милю, до пристани и обратно. Он уже может пройти такое расстояние, должен пройти!

Дождавшись, когда вернется Бодро с ведром воды из артезианского источника, Тристан рассказал ему о своих планах.

– Что это тебе вздумалось туда идти? – Бодро погрозил ему толстым шершавым пальцем. – Ты еще не окреп. Хочешь подвигаться? Сними вон с топчана простыни, иди к ручью и постирай их. И возьми пальмовое мыло, оно не так вредно для воды.

Он прошел в дом и вскоре вернулся уже с пустым ведром.

– А закончишь стирку, принеси воды. Посмотрим, как ты с этим справишься, тогда и поговорим, куда тебе можно идти.

– Бодро, ты спас мне жизнь, – сказал Тристан. – Если бы в то утро ты не пошел туда ловить рыбу, не вытащил меня из воды и не остановил кровотечение, меня бы уже не было в живых. Я в огромном долгу перед тобой и слишком тебя уважаю, чтобы спорить с тобой, но я больше не могу отлеживать бока. Мне необходимо укрепить и разработать ногу, хотя она уже никогда не будет прежней. – Он тяжело вздохнул. – Но не хочу ждать, пока она высохнет и станет полностью бесполезной.

– Высохнет? Сынок, какой толк думать о том, что еще не случилось? Будущее, конечно, придет, но его история еще не написана. Если будешь слишком сильно нагружать себя, только все испортишь. Не успеешь опомниться, как окажешься в том самом будущем, которое сам себе назначишь.

– А о чем же мне думать, как не о том, что теперь я до конца жизни останусь хромым калекой? – с горечью спросил он.

Бодро смерил его задумчивым взглядом.

– А может, тебе лучше думать о твоей славной женушке, что вернулась домой и скорбит о тебе?

– Что?! Сэнди вернулась? Она уже здесь? – Он бросил взгляд в сторону дома. Затем вдруг вспомнил о том, что рассказал ему Бодро.

Его друг видел, как Мюррей Чо вошел в его дом, не отключая сигнализацию, и потом вышел с предметом, похожим на планшет Сэнди.

Тристан тогда очень удивился, он никогда бы не подумал, что Мюррей Чо вор.

– Но ей нельзя возвращаться! – вскричал он. – Мюррей может снова прийти. Он думает, что ее нет, и, если вдруг увидит...

– Ну вот, ты опять делаешь из мухи слона. Не торопись, сынок. Пусть все идет своим чередом. А ты будь наготове. И почему ты думаешь, что с ней может что-то случиться? Ты же оставлял ее одну, когда работал на буровой.

Тристан думал о Сэнди, до нее всего какая-то миля! Господи, как ему хотелось поскорее оказаться дома и целовать ее, целовать, пока оба не загорятся желанием. Посмотреть, как вырос ее живот, погладить его, почувствовать толчки их ребенка, их сына. Но он боялся. Он не хотел показываться ей, она могла проговориться о нем кому-нибудь из своих или его друзей.

– А что было делать, Бодро? Нужно же зарабатывать на жизнь... И потом, я же не знал, что они меня задумали убить. И что им помешает снова попытаться убить меня?

– Кто это они? Тот директор убит. А с буровой все давно уехали.

– Ладно тебе, Бодро. Директор буровой не был у них главным. А настоящий босс жив. Он какая-то большая шишка в нефтяной корпорации «Ли Дриллинг», которой принадлежит буровая. И этот босс знает, что я могу установить, кто он такой.

– В самом деле? – спросил Бодро. – И кто он такой?

– Я же сказал, что только могу установить, а не знаю. В первый раз я по чистой случайности услышал, как директор говорил, что собирается ввезти в Штаты нелегальное оружие и раздать его психопатам и наркоманам. Я догадался, что слышу разговор террористов, но только одну его часть. И тогда совместил программы перехвата и сохранения всех разговоров, которые велись по его спутниковому телефону.

– И директор ни разу не назвал босса по имени?

– Не знаю. Мне не удалось прослушать записи всех разговоров. Я боялся, что меня застукают. Я перенес их на флешку, чтобы передать в органы внутренней безопасности. Там могут применить технологию распознавания голоса, чтобы выйти на этого человека, и тогда запись уличила бы его в участии в контрабандной операции.

Но моя программа забарахлила, и директор застукал меня, когда я возился с его спутниковым телефоном. Он вышвырнул меня из кабинета и ничего не сказал, но я знаю, что меня хотели убить именно из-за этого.

– И где же эта флешка? Когда я выловил тебя из залива, при тебе точно ничего такого не было.

– В том-то и дело. Я спрятал ее дома, когда был там в последний раз. Собирался при первой возможности отвезти ее куда надо, но, как видишь, не успел. Не знаю, может, ее обнаружил Мюррей, когда влез к нам в дом за планшетом.

– Так ты поэтому не рад, что Сэнди вернулась домой?

Тристан мрачно кивнул.

– Внутренняя безопасность должна обеспечить ей охрану, для этого я должен сообщить им, что жив. Но тогда меня вызовут в Вашингтон, для дачи показаний. Они, конечно, уважат мою просьбу охранять Сэнди, но я могу быть уверен в ее безопасности только в том случае, если сам буду ее охранять. Подумай, сколько хороших солдат погибло, хотя их защищало государство, сколько невинных гражданских.

– Я понимаю тебя, сынок, но сейчас у тебя просто нет сил, чтобы защитить ее.

– И что ты предлагаешь? Чтобы я сообщил обо всем в министерство внутренней безопасности? Этим я наверняка подвергну ее опасности. Стоит мне только высунуться, как босс директора сразу об этом узнает. И пока органы среагируют на мою просьбу, он успеет ее выкрасть. Они могут подвергнуть ее пыткам, чтобы выбить из нее информацию, которой у нее просто нет, понимаешь! А меня здесь не будет, и я не смогу ее защитить.

Сэнди казалось, что она совсем не спала, из-за нее и ребенок беспокоился. Как только она закрывала глаза, в ее воображении возникали одна за другой, как в слайд-шоу, картинки с

барахтающимся и тонущим в ледяной воде Тристаном, шныряющими вокруг акулами с хищно разинутыми пастьми и окрашенными кровью острыми зубами.

И она просыпалась с колотящимся от ужаса сердцем на мокрой от слез подушке.

Наконец около семи часов она встала, приняла душ, оделась и отправилась в кухню. Сэнди с тоской посмотрела на кофеварку – на время беременности она решительно отказалась от кофе, чтобы не подсадить малыша на кофеин.

– Ты не представляешь, горошинка, как бы мне хотелось выпить чашечку кофе! – зевнув, сказала она. – А ведь в холодильнике должен быть кофе без кофеина. Но мой животик определенно заявляет, что он хочет грейпфрутовый сок, и только его. – Она похлопала себя по животу. – Значит, сок, да?

Она уселась за стол со стаканом сока, поглядывая на свой телефон и вспоминая вчерашние предостережения Мэдди, сотрудницы органов внутренней безопасности, ставшей ее подругой. Сэнди хотелось позвонить ей и выговориться, но Мэдди наверняка станет пилить ее, пока она не позвонит шерифу. А если она откажется, то Мэдди сама ему позвонит.

– Ничего не поделаешь, придется звонить! – вздохнула она и пошла в детскую. Это было единственное место в доме, где сотовый телефон ловил сигнал. Она набрала номер конторы шерифа.

– Бэйлор, – сказала она, когда тот ответил, – это Сэнди.

– О, привет! Я и не знал, что вы вернулись в город. Как вы себя чувствуете? Как ребенок?

– Прекрасно, мы оба прекрасно себя чувствуем. Бэйлор...

– Сколько у вас месяцев? Я стараюсь вспомнить.

Сэнди от нетерпения закрыла глаза. Если она не успеет задать свой вопрос, Бэйлор Нехай заговорит о смерти Тристана, и ей придется выслушивать его предположения минут двадцать, пока удастся вставить слово.

– Пять с половиной. Бэйлор, кажется, пока я была в отъезде, кто-то забрался ко мне в дом и утащил мой планшет.

– Что? Говорите, пропал ваш компьютер? Ну, за это мы не отвечаем. Вам нужно поговорить с криминалистами, хотя, думаю, что его взял директор буровой платформы, когда проник в дом и похитил агента Тирни. Если это был он, то денег вы за него не получите.

– Бэйлор! Я не поэтому вам звоню. Понимаете, планшет пропал, когда меня не было дома. Если его взяли вы или криминалисты, тогда я могу не беспокоиться, что в мое отсутствие кто-то проник в мой дом.

– Я бы с радостью проверил это для вас, но, поймите, у меня слишком маленький бюджет, чтобы заменить ваш планшет.

– Да я вовсе не прошу вас заменить его, куплю себе новый. – Она помедлила. – Вы не хотите снять в доме отпечатки пальцев?

– Могу прислать вам моего заместителя, когда он вернется. Только это будет уже поздно вечером. Он уехал в Хуму, за документами. Мне позарез нужен курьер, но я же говорю, этот проклятый бюджет...

– Нет, не надо его присылать, – с облегчением отказалась Сэнди. Ей не хотелось сейчас никого видеть. Она вернулась, чтобы побыть в одиночестве и как-то примириться со смертью Тристана. – Думаю, вы правы насчет того, как все произошло.

– Сэнди, что еще я могу для вас сделать?

– Ничего, Бэйлор, спасибо.

Она не стала слушать его советы беречь себя и выключила телефон. Вымыв стакан, она вышла из дома, чтобы пройтись к хижине Бодро. Глубоко вдохнув свежий утренний воздух, она снова зевнула.

– Извини, горошек, за эту ночь. Я не могла выбросить из головы то, что сказала мне Мэдди.

Она задумалась, не наносят ли психике еще не рожденного ребенка ее разговоры с ним о грустных вещах. Наверное, нет, ведь общение с ребенком Тристана так успокаивало ее. К тому же последние исследования утверждают, что ребенку полезно привыкать к маминому голосу.

– Ты знал, что твой папа был секретным агентом? Постой, что я говорю? Ты ведь уже был у меня, когда Зак сказал мне об этом. Естественно, я должна была узнать об этом от его давнего друга, потому что сам Тристан считал, что мне не обязательно знать о такой «ерунде».

Она немного рассердилась на себя за нотки горечи. Не стоило так говорить о Тристане, тем более с ребенком.

Тогда она заговорила тихо и спокойно, как всегда, когда рассказывала ему сказки или читала стихи.

– Он был настоящим разведчиком. Работал в органах внутренней безопасности, выслеживал плохих людей. Но однажды его убил один очень плохой человек.

Женщине пришлось замолчать, потому что она с трудом сдерживала слезы, к тому же уже пришла на берег. Утро было прекрасное, на волнах плясали яркие солнечные блики.

– Нужно было встать пораньше и полюбоваться восходом солнца. Хотя и без Тристана... Голос ее прервался, и она грустно улыбнулась, вспоминая о счастливых днях с мужем.

– Так, хватит! – решительно сказала она. – Идем-ка, поговорим с Бодро.

Сэнди свернула на тропинку, ведущую к хижине Бодро, и вдруг заметила в грязи следы волочения. После последнего дождя кто-то тащил вверх лодку. Она покачала головой. Должно быть, это Бодро. Он все время торчит на пристани.

– Нужно быть осторожной, – пробормотала она. – Мне повсюду чудятся террористы и преступники.

Солнце уже немилосердно жгло, когда она выбралась из зарослей и вошла во двор Бодро. Хозяин дома сидел на старой скамье, штопая сети.

– Ну и ну! – воскликнул он, увидев ее. – Вы ходите гораздо быстрее этого... – И вдруг рывкнул: – Какого черта вы здесь делаете?

– Бодро, я же Сэнди, жена Тристана.

Они были знакомы много лет, и в последний раз она приходила к нему в ту страшную ночь, сказать, что Тристан пропал и она боится, что он умер.

Отбросив сеть, Бодро встал и пошел к ней с иглой в одной руке и с ножом в другой.

– Я вас спрашиваю, зачем вы сюда пришли? Уходите, убирайтесь отсюда. – Он ткнул ножом туда, откуда она пришла. – Ну же!

– Но мне нужно поговорить с вами. Я хочу запереть причал...

– Уходите отсюда, миссис Дюшод. Уходите! – Бодро захлопал перед ней руками, будто загонял кур в сарай. – Вон! – снова заорал он.

Сэнди ошеломленно смотрела на него, не понимая, почему он ведет себя так враждебно. Уж не думает ли он, что Тристан погиб из-за нее?

– Бодро, пожалуйста, выслушайте меня. Это очень важно!

Он с подозрением уставился на нее, помолчал и сказал:

– Я приду к вам домой, скоро, через день. Тогда и поговорим. А сейчас убирайтесь отсюда, идите домой, или я спущу на вас собаку. Я не шушу.

Она мало что знала о Бодро кроме того, что рассказывал ей Тристан, но он никогда не отзывался о нем как о грубияне. Хотя ведь это он хладнокровно застрелил директора нефте-промышленной платформы, так что лучше поскорее уйти.

– Пожалуйста, приходите ко мне поговорить, – сказала она и поспешила вернуться той дорогой, по которой пришла.

– Вот-вот, идите и не останавливайтесь, – вдогонку ей пробурчал Бодро.

Дойдя до пристани, она остановилась перевести дух. Отдыхая, она смотрела вдаль, на темные зеленовато-серые волны Мексиканского залива. И там, то ныряя, то всплывая на

поверхность, какое-то существо плескалось в волнах. Яркий солнечный свет отражался от воды и слепил глаза, так что, кроме всплесков и волн, трудно было что-то разглядеть. Она сощурилась и приставила к глазам ладонь щитком, жалея, что не захватила темные очки.

Но все равно видела не лучше. Солнце поднялось еще выше, и его блеск стал нестерпимым. И вдруг это неведомое существо словно почувствовало, что за ним наблюдают, потому что всплески прекратились. Сэнди поморгала и обеими руками прикрыла глаза от солнца, но поверхность воды была уже спокойной и гладкой.

Неведомое существо, плескавшееся сразу за мелководьем, исчезло.

– Знаешь, горошек, как-нибудь я встану пораньше и приду сюда, чтобы узнать, кто это там плещется. Может, русалка... – Она улыбнулась и погладила свой живот. – Или ее муж.

Вернувшись домой, она приготовила себе завтрак и за едой размышляла о странном поведении Бодро. Наконец она пришла к заключению, что Бодро прогнал ее ради ее же пользы. Может, в зарослях шныряли лисица, рысь или аллигатор. И ведь он обещал заглянуть к ней. А Тристан говорил, что Бодро всегда держит данное им слово.

– Придется нам подождать его, мой горошек. Правда, он мог бы вести себя повежливее. Не обязательно было так кричать. Не очень-то приятно было его слушать.

Вымыв стакан и тарелку, она поставила их в сушилку и посмотрела на часы: ровно одиннадцать.

– И все-таки мне очень надо поговорить с ним. Может, он придумает, как не пускать людей в док, – сказала она ребенку. – Может, он уже охраняет его. И кто знает, может, это его шаги я слышала вчера вечером, наверное, он проверял, не пользуется ли кто доком.

Женщина зевнула. Еще до прогулки к Бодро она чувствовала себя утомленной.

– Нам нужно подремать, горошек, а не то я засну стоя. А потом мы с тобой поедem в Хуму, купим продуктов и новый компьютер, поменьше. – Это будет нашим самым увлекательным приключением за день. – У нее по спине пробежал слабый холодок. – Я надеюсь, – добавила она.

Глава 3

Уже почти стемнело, когда Сэнди вернулась домой после поездки в Хуму, которая находилась в двадцати милях от Бон-Шанс. Если она и до этого была уставшей, то теперь едва не падала с ног. По дороге она купила молочный коктейль с шоколадом. Она слишком устала, чтобы готовить еду, сил хватало только на то, чтобы выпить коктейль.

Сэнди поставила машину на подъездной дорожке у патио и, взяв пакет с продуктами, направилась к дому. Уже подойдя к двери, она заметила на земле следы чьих-то ног.

От испуга она чуть не выронила продукты и огляделась, но вокруг никого не было. Она осторожно толкнула застекленные двери. Они были заперты.

Не увидев грязных следов на пороге, она с облегчением вошла в дом и заперла за собой двери, затем сквозь стекло стала рассматривать следы на дорожке.

Размер отпечатков трудно было определить, они были размытыми. Рифленых отпечатков не было видно, значит, ботинки либо сильно изношены, либо подбиты гладкими подошвами.

Бодро носил старые разбитые башмаки, может, это он приходил. «Ну конечно», – облегченно вздохнула она. Это Бодро оставил здесь следы. Тристан всегда предупреждал ее, что в его отсутствие за ней будет присматривать Бодро.

На дисплее ее мобильного телефона было восемь часов. Она потянулась и зевнула.

– Как думаешь, горошек? Не рановато нам ложиться?

Она включила сигнализацию, взяла стакан воды и коктейль, куда бросила два кубика льда, и направилась в спальню.

Уже забравшись в кровать, Сэнди вспомнила, что не задернула шторы. Вылезать было лень, но она знала, что иначе не сможет заснуть, особенно после того, как заметила, что Мюррей Чо и его сын заглядывают к ним в окна.

Задернув шторы, она забралась под одеяло и взяла книгу, которую начала читать еще у свекрови, но, вспомнив, что она ей не понравилась, бросила книгу на пол. Затем достала с полки тумбочки старый номер журнала мод и стала рассеянно его просматривать.

Неожиданно ребенок начал энергично толкаться.

– Ого! – воскликнула она. – Молодец, горошек! Вот это толчок!

Она погладила место на животе, где прощупывалась его крохотная ножка, но это не помогло.

– Успокойся! А то мне придется снова идти в туалет. Пожалуйста, не колоти по мочевому пузырю! – Она хмыкнула. – Ах, вот ты как! Прямо по нему. Выходит, ты у меня непослушный мальчик!

Она пошла в ванную и увидела, что там занавеси тоже раскрыты. Задернув их, она воспользовалась туалетом и стала мыть руки, поглядывая на себя в зеркало. Глаза у нее были испуганными.

«Ну же, Сэнди, выше нос, – укорила она себя, – в доме бояться нечего».

– Здесь нам ничто не грозит, – объясняла она ребенку. – Это дом твоего папы. Здесь жили его отец и дед. Он уверял меня, что тут мне всегда будет спокойно и безопасно. А теперь и тебе со мной.

К глазам ее подступили слезы, и она сердито смахнула их.

– Это все из-за Мюррея Чо и его сына Патрика, они подглядывали в окно в тот день, когда хоронили твоего папу. Не уверена, что когда-нибудь я снова буду храброй. – Она вздохнула. – Даже когда ты родишься, – тихонько добавила она, поглаживая живот в том месте, где, как ей казалось, была его спинка. – Это они виноваты, что я стала такой трусихой.

Она выключила свет и легла, но сон не шел к ней, как и прошлой ночью. Как только она закрывала глаза, возникали жуткие видения. Вздохнув, она села, включила свет, достала

из тумбочки бутылочку с лекарством и внимательно прочла прикрепленный к ней рецепт: «В качестве снотворного примите одну или две таблетки». Можно принять одну, так будет безопаснее, поскольку доктор прописал две таблетки.

Запив таблетку водой, она снова легла.

– Что ж, попробуем еще раз, – прошептала она, повернувшись на бок и обняла свой выпирающий живот. – Спокойной ночи, горошек, – проговорила она нежно, чувствуя, как по лицу стекают на подушку слезы. – Господи, ну почему я плачу? – вслух пробормотала она. Она редко плакала и практически никогда не принимала снотворное, чтобы заснуть. Но почему-то сегодня у нее на душе было очень тревожно, но не из-за воспоминания о двух мужчинах, заглядывающих в ее окно.

Она сама заявила матери Тристана, что должна возвратиться домой, где жила с мужем. Сказала, что только это поможет ей залечить душевную травму. Так она думала тогда, но теперь сомневалась, правильно ли поступила. Когда она разговаривала с Мэдди, ей в голову пришла невероятная, дикая мысль, которая не могла быть правдой. Но она не могла выкинуть ее из головы.

Что, если это не сын и отец Чо нагнали на нее страху и не давали уснуть? Что, если это был человек, которого она видела в день похорон Тристана уже потом, позднее? Фигура, которая, должно быть, была видением. Или это был он? Что, если именно он забрал ее планшет?

Был ли это Тристан – или его призрак, которого она так боялась? Она помнила, как он стоял снаружи, у самого окна в спальню, весь мокрый, с бледным измученным лицом. С его головы стекала кровь, смешиваясь с каплями дождя. Сэнди передернулась. Господи, избавь меня от этого страшного зрелища! Она не верила в вуду, не верила в призраков, демонов и гоблинов. Но она знала, что не сможет здесь жить, если Тристан снова будет являться, даже если это только игра ее потрясенного горем воображения.

Он наверняка только привиделся ей, потому что, будь он жив, ни за что не заставил бы ее так страдать, притворяясь мертвым.

Если бы Тристан был жив, он был бы сейчас здесь, с ней и с их ребенком.

Тристан открыл застекленные двери запасным ключом, который всегда хранился под цветочным горшком, и осторожно стряхнул с себя капли дождя.

И снова Бодро оказался прав, когда говорил, что Тристан еще очень слаб: в ноге пульсировала боль, голова кружилась от усталости. Но у него не было иного выхода.

Бодро рассказал ему, что, пока он плавал в море, к нему приходила Сэнди. Но он уже видел ее на берегу. Вряд ли Сэнди разглядела его из-за слепящего солнца. Иначе она вернулась бы к Бодро, чтобы спросить о нем.

По словам Бодро, она была взволнована, очень нервничала, будто чего-то боялась и очень хотела поговорить с ним. Но Бодро, зная, что Тристан вскоре вернется той же дорогой, прогнал ее, чтобы они не столкнулись лицом к лицу.

Тристан прокрался через кухню к сигнальному устройству за дверью в коридоре, нервничая из-за скрипа своих кроссовок. Он успел отключить сигнализацию всего за две секунды до того, как должна была зареветь сирена тревоги, так медленно он двигался.

Свою палку он оставил снаружи у дверей, чтобы не уронить ее и не задеть что-нибудь. Затем осторожно пробрался к детской, где спрятал флешку. Тогда ему казалось, что лучшего места не найти. Но возможно, ее все-таки обнаружили, хотя в таком случае Бодро узнал бы об этом. Он пришел забрать ее, тогда у Сэнди не будет того, за чем охотятся бандиты.

Разумеется, нужно еще придумать, как убедить таинственного главаря контрабандистов, которые воспользовались его причалом для ввоза оружия, что Сэнди понятия не имела о том, что он тайный агент, работающий под прикрытием, и что в доме нет ничего, что помогло бы установить личность главаря.

Он начал осторожно открывать дверь в детскую, когда ему послышался позади какой-то шум. Он замер и прислушался. Нет, ничего. Он снова взялся за ручку двери, и тихий, приглушенный шум повторился. Он прислушался, и у него защемило сердце.

Это была Сэнди, точно Сэнди. Она с кем-то разговаривала. Было два часа ночи. Она должна была крепко спать, ведь она всегда ложилась до двенадцати и вставала в семь утра, максимум в половине восьмого. Но ведь она беременна, а его мать говорила, что последние месяцы беременности она очень часто ходила в туалет.

Значит, она вставала в туалет. Но может, Сэнди говорит или стонет во сне. Он ждал и настороженно прислушивался. Торопиться ему некуда, когда она успокоится, он потихоньку выскользнет из дома, так что она и не узнает о его приходе.

Он стоял на правой ноге, приподняв левую и упражняя мускулы, оставшиеся под безобразным швом, которым Бодро зашил его рану. Напрячь, расслабить, напрячь, расслабить.

Наступила тишина, и Тристан с величайшей осторожностью повернул ручку, собираясь проскользнуть в комнату, когда услышал знакомый звук и вздрогнул. Это было шлепанье босых ног Сэнди по деревянному полу. Затем круглая ручка повернулась. Пока он раздумывал, успеет ли скрыться в детской, дверь спальни отворилась, и его жена вышла в коридор. В лунном свете, падающем из кухни, он увидел ее в пижаме, короткая куртка которой задралась над округлившимся животом. Во время их последней встречи он был едва заметным.

Как же хотелось погладить его, поцеловать, ощутить шевеление ребенка. Он так тосковал по Сэнди, и вот она здесь, рядом, на расстоянии протянутой руки, а он не смеет ее обнять.

Узнав, что он жив, она придет в ярость из-за того, что заставил ее поверить в его смерть. Она не поймет грозящую ей опасность. Всю жизнь Сэнди считала, что рядом с ним ей нечего бояться. Тристана всегда восхищала эта ее беспредельная вера в него.

Зевнув, она пригладила спутанные волосы. Тристан невольно улыбнулся. Как ему знакомо каждое ее движение, каждый жест. Она была сонной, и ее босые ноги автоматически несли ее в кухню. Ее привычка глотнуть среди ночи воды, практически не просыпаясь, могла спасти его, если он будет стоять неподвижно. Люди часто замечают только то, что движется.

Он напряженно следил за больной ногой: если он слишком напряжет мускулы, нога может произвольно дернуться.

– Все хорошо, – прошептала она.

Его пронизал ужас, и сразу мышцы больной ноги заныли. Уж не с ним ли она разговаривает?

– Ох, прости, горошек. Я разбудила тебя. Мне нужно положить льда в воду и, пожалуй, взять немного крекера. Что-то меня подташнивает, – ворковала она, поглаживая живот. – А потом мы с тобой вернемся в постельку.

Она говорила не с ним, а с ребенком, с их ребенком. У Тристана защипало в глазах. Сердце его сжималось от тоски по ней. Он подолгу отсутствовал дома, смена на буровой платформе длилась по две недели, а то и больше, и он пропустил большую часть ее беременности. А теперь, теперь она считает его мертвым.

Он затаил дыхание, когда она шагнула в коридор. Она не могла пройти мимо, не заметив его. Как же быть? Заговорить с ней или дожидаться, когда она сама его увидит?

Сэнди вздрогнула, когда, брыкнув ножкой, ребенок окончательно разбудил ее.

– Ну почему тебе обязательно нужно брыкаться?

Она испуганно охнула и замерла на месте. Что это было? Сердце у нее чуть не выпрыгнуло из грудной клетки. Она прижала руки к груди.

Господи, помоги! Там, в темноте, что-то есть. Прямо перед ней. Она хотела убежать, но ноги ее не слушались.

– Кто вы? Что вам надо? – Она старалась говорить строго и холодно, но голос ее осекся.

Темная тень не шевелилась. Она отступила на шаг, чувствуя, что ее опять подташнивает. Ее бросало то в жар, то в холод.

– Уходите! – хрипло проговорила она, затем набрала в легкие побольше воздуха и закричала: – Убирайтесь вон! Вот отсюда!

– Сэнди, – услышала она голос, который так любила.

Она отпрянула назад, уперлась в стену. В горле сразу пересохло, она хотела закричать, но у нее вырвался только жалкий писк.

Обеими руками она уперлась в стену, будто могла ее сдвинуть, а пятками в пол, пытаясь удалиться от маячившей перед ней тени.

– Пожалуйста, – в отчаянии прошептала она. – Давай же, Сэнди, проснись! Какой глупый сон...

– Сэн, ты не спишь, – ласково сказал голос. – Не бойся.

Она снова попыталась вздохнуть, но не смогла. Руки ее взлетели к горлу, перед глазами закружились радужные пятна, и затем она оказалась на полу.

– Я сплю, – пробормотала она помертвевшими губами. – Я в постели, сплю.

– Нет, ты не спишь, – произнес знакомый до боли голос.

– Нет, нет и нет, – шептала она. И вдруг, почувствовав на щеке прикосновение руки, она вскрикнула и попыталась отползти назад, но за ней уже была глухая стена.

– Нет! – вскричала она. – Нет, нет! Уходи!

– Сэнди, послушай меня. Прости меня. Мне очень стыдно. Я не хотел тебя напугать.

Он дотронулся до ее щеки, она ощутила его слабое дыхание. С его бледного, измученного лица стекала вода – все было, как в том кошмаре.

Только теперь она поняла, что в день его похорон ей приснился сон. Он маячил за тем самым окном, откуда за ней подглядывал Патрик Чо. Но, в отличие от Патрика, Тристан был не материальным субъектом, а дрожащим страшным призраком, который растворился в ночи у нее на глазах.

Сегодня он не растворился. Она дотронулась до его лица.

– Тристан, – прошептала она. – Ты настоящий, живой! – Она не спрашивала, а утверждала.

Лицо его было болезненно бледным, но теплым на ощупь, а, главное, оно не растворялось в воздухе. Она захватила прядь его волос и крепко сжала пальцы – рука ее стала мокрой. Она посмотрела на нее и рассмеялась, но смех сразу сменился плачем.

– Да, живой, – сказал он и криво усмехнулся, в глазах блеснули слезы.

Она снова зарыдала и зажала себе рот, чтобы заглушить судорожные рыдания.

– Все хорошо, Сэнди, все хорошо.

– Как... – Она робко протянула руки, затем осторожно коснулась его плеча. Оно было теплым, сильным... живым. О господи!

Он был здесь, и с его волос стекали капли дождя. Но она еще не полностью доверяла своим ощущениям. Она взглянула на свою мокрую руку, потом на него.

– Сэн! Успокойся. Это я.

Его голос. Его глаза.

– Да, это ты. Но как? Разве ты не умер?

– Я действительно едва не умер. Как ты себя чувствуешь? Как...

– Но где? Еде ты был? Куда ты делся? Тебя не было целых два месяца!

– Меня нашел и спас Бодро, а потом он меня выхаживал.

– Бодро? Ты хочешь сказать, что все это время ты был у него?

Она отодвинулась от него.

– Мы... мы похоронили... тебя. Мы плакали, горевали о тебе. Я хотела умереть, думала, что больше никогда тебя не увижу. А ты все время был так близко?!

Она сильно толкнула его в грудь, и он упал.

– Сэнди, все хорошо.

– Хорошо? – Она глухо рассмеялась. – Ты так считаешь? Я просыпаюсь среди ночи и обнаруживаю, что мой умерший муж крадется по дому и пугается, когда я натыкаюсь на него. Что ты здесь делаешь, скажи на милость?

И вдруг в ее мозгу словно плотину прорвало. Мысли и вопросы бурлили в голове, так что она едва могла говорить. Она не успевала задать один вопрос, как у нее напрашивался другой. Внезапно ей вспомнилась сцена на кладбище.

Гроб, стоящий у открытого входа в склеп Дюшодов, и отец Даффи, который нарочно отводит ее в сторонку, отвлекая разговором.

Сэнди в ужасе уставилась на мужа.

– А кто же тогда там был? Кто был в гробу? Кого мы похоронили в вашем склепе? – Она истерически засмеялась и, икнув, зажала себе рот.

Тристан озадаченно смотрел на нее.

– В нашем склепе? – повторил он, будто ему и в голову не приходило, что гроб с его телом мог быть помещен только в фамильный склеп Дюшодов. – Н-не знаю... – сказал он.

Затем он сел прямо, обеими руками уперся в пол и подтянул левую ногу. Она видела только его профиль, но обратила внимание на стиснутые зубы, когда он с помощью одной ноги и рук поднялся с пола.

Только теперь она поняла, почему он упал от ее толчка в грудь.

– Боже мой! – прошептала она.

Наконец он выпрямился и прижал руку к стене, чтобы сохранить равновесие. Он хрипло дышал, и в темноте его смертельно бледное лицо казалось призрачным.

– Что с тобой?

Сэнди с трудом поднялась, ласково успокаивая ребенка:

– Все хорошо, горошинка. Со мной ничего не случилось, с тобой тоже.

Она посмотрела на мужа, ее испуг и ужас прошли, осталась только злость.

– Тристан! Отвечай мне! – проговорила она сквозь стиснутые зубы.

Он искоса взглянул на нее.

– Извини, но это длинная история. Слишком долго рассказывать.

Гнев прорвался, затуманив ей голову. Перед ней стоял Тристан – живой, настоящий. Подумать только, все это время он был жив!

– Длинная история? И это твой ответ?

Он отвел взгляд.

– Я не хотел тебя будить. Я заглянул сюда всего на пару минут и должен был сразу уйти.

– Всего на пару минут?!

Он развел руками:

– Даже не знаю, с чего начать... Это...

– Длинная история. Да, это я поняла. Но ничего страшного, милый. У меня впереди целая ночь.

Глава 4

Вскоре Сэнди сидела в кухне с остывающей кружкой кофе без кофеина, который ей приготовил муж, считавшийся погибшим. Напротив нее сидел Тристан, уставившись в свою кружку. Несколько секунд она пристально его рассматривала, затем отвела взгляд в сторону.

Ее пугал его изможденный, усталый и болезненный вид. И хотя она чувствовала его боль, все в ней бурлило от злости.

– Ты сказал, что, если бы я не встала, ты провел бы в доме всего пару минут.

– Я так сказал? – посмотрел на нее Тристан.

– Не делай вид, что забыл. Что ты здесь делал? Насколько я понимаю, ты пришел не для того, чтобы сообщить мне, что не умер.

– Мне нужно было кое-что взять здесь, – опустив голову, пробормотал он.

– Что? Трис, посмотри на меня.

– Я сказал, что хотел кое-что забрать, Сэн...

– Не называй меня Сэн. И когда же ты собирался известить меня, что не умер?

– Слушай, извини, но у меня есть и другие проблемы.

– Другие?! То есть помимо того, чтобы известить свою жену о том, что ты жив? Или проведать своего еще не родившегося ребенка? Если бы мне хватило духа, я сама бы тебя убила!

Он перевел взгляд на ее живот, и в этом взгляде было столько тоски и грусти, что Сэнди еле удержалась от того, чтобы потянуться к нему, но он снова отвел взгляд и пробормотал что-то неразборчивое.

– Ты будешь говорить? Что ты сейчас сказал?

Он махнул рукой:

– Так, ничего.

– Я тебя просто ненавижу, – холодно заявила она, и, сама вздрогнув от своего тона, с силой стиснула кружку.

Тристан грустно кивнул.

– Я знаю, Сэн. – Он поднес было кружку к губам, но нахмурился и снова опустил ее. – Поверь, я и сам себя ненавижу.

– И есть за что. – Сэнди встала, не в силах смотреть на его страдальческое лицо, опасаясь, что пожалеет его и опять поддастся своей любви. Сейчас она не могла себе этого позволить, после стольких лет счастья он показал себя вовсе не таким надежным защитником, на которого она всегда полагалась.

Забрав у него кружку, она отнесла ее вместе со своей к раковине и встала к нему спиной, стараясь удержаться от слез. Но это ей не удалось. Она вымыла кружки и сполоснула лицо холодной водой. Схватив полотенце, Сэнди повернулась и прислонилась спиной к мойке, чувствуя, как с лица на пижаму стекает холодная вода.

– И где же ты все-таки был?

Ей очень хотелось это знать, но она чувствовала, что его ответ разобьет ей сердце.

В то же время страх говорил ей, что она может не ждать его ответа. Она уже догадывалась, что он скажет. Все это время, пока она тяжело переживала его гибель, он был всего в миле от нее, в хижине Бодро.

Не ответив на ее вопрос, он встал и, прихрамывая, подошел к окну. Сэнди старалась не сравнивать его с человеком, которого она в последний раз видела три месяца назад, когда он отправлялся работать на свою месячную смену на буровой платформе «Созвездие Чайка». Тот человек был здоровым, красивым и загорелым. В его волосах путались выцветшие от солнца

пряди, фигура была статной и сильной, и при всех его недостатках, это был человек, которого она знала и любила всем сердцем. Человеком, которому она всегда доверяла.

Тот, кто сейчас был перед ней, при всем внешнем сходстве с Тристаном, не был им. Стоило ей подумать об этом, как у нее вырвалось едва слышное рыдание, и Тристан сразу повернул к ней голову.

Она зажала себе рот рукой. Эта напряженная сильная спина, глубокие морщины, протянувшиеся от крыльев носа к губам, говорили о пережитом им ужасе, которого она даже не могла себе представить. И этот ужас в течение двух долгих месяцев страданий изменил его. Темные глаза казались огромными на его осунувшемся лице. Отросшие волосы стали тусклыми и безжизненными.

Он по-прежнему держал спину прямо, с каким-то отчаянным достоинством, которого она не замечала в нем прежде. Он всегда был худощавым, но сейчас похудел минимум на пятнадцать фунтов.

Она посмотрела на его прямую спину, и снова прижала руку ко рту, заглушая плач. Ремень, застегнутый на последнюю дырочку, поддерживал слишком просторные в талии штаны, промокшие и плотно облепившие его ноги. Сразу было видно, что икра левой ноги была раза в два тоньше икры правой.

Она вспомнила, как Зак говорил ей о выловленных из воды полосках мышцы икры, которую определили, как принадлежащую Тристану. Это было одно из нескольких доказательств, которые убедили власти, что Тристан не смог выжить.

Внезапно к ее горлу подступила острая тошнота, и она едва успела повернуться к раковине, как ее тут же вырвало. Ее еще долго выворачивало наизнанку.

Но вот она повернулась и опустила полотенце. Тристан смотрел на нее, лицо его приобрело болезненный зеленоватый оттенок.

– Тебе лучше? – спросил он.

Она кивнула.

Он перевел взгляд на ее живот.

– Тебя по-прежнему тошнит по утрам?

Она отрицательно качнула головой.

– Но... – Он махнул рукой на раковину.

– Это? Не знаю. Может, потому, что я не обедала, обнаружила, что в доме побывал взломщик, и увидела моего умершего мужа.

– А как... – Он смущенно замолчал, глядя на ее округлившийся живот.

– Ты спрашиваешь, как ребенок? С ним все прекрасно.

– Сэн... Поверь, я не хотел, чтобы так случилось. Я не был... Я не мог... – Он замолчал, с трудом ступая, подошел к ней и убрал с ее лба влажную прядку волос.

Рука его была удивительно теплой. Сэнди инстинктивно потянулась к нему.

– О, Трис! Я так по тебе тосковала! – прошептала она.

Он нагнулся и прижался головой к ее лбу.

– Прости меня. – Он слегка отстранился. – Ты не возражаешь, если я тебя потрогаю?

– Хочешь почувствовать ребенка? Последние дни он все время брыкается.

Его рука осторожно коснулась ее живота, снова удивив своим теплом.

Он долго стоял, поглаживая ее живот.

– Не могу поверить, что прошло уже два месяца, – пробормотал он.

Она опять вспыхнула и оттолкнула его руку.

– Да, два месяца, в течение которых я горевала о тебе и пыталась осознать, что всю оставшуюся жизнь мне придется жить без тебя. И если бы все вышло как ты задумал, то я по-прежнему считала бы тебя умершим. Просто не верится, что ты собирался уйти, не разбудив меня.

Она прерывисто вздохнула.

– Не понимаю, не могу понять, почему ты не хотел увидаться со мной, сказать, что жив. Мой муж, даже если бы не мог ходить, приполз бы сюда, чтобы я его увидела и поняла, что я не потеряла. Мой муж не заставил бы меня горевать и страдать целых два месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.